

11. Цветкова Н.С. Рекомендации по использованию компьютеров в инклюзивной школе / Н. С. Цветкова. - Текст : непосредственный // Информатика и образование. – 2017. - № 6. - С. 12-14.

12. Innovating Pedagogy 2014. Exploring new forms of teaching, learning and assessment, to guide educators and policy makers. - Text : electronic// International Monetary Fund. — October 1, 2014. — URL :[http://www.openuniversity.edu/sites/www.openuniversity.edu/files/The\\_Open\\_University\\_Innovating\\_Pedagogy\\_2014\\_0.pdf](http://www.openuniversity.edu/sites/www.openuniversity.edu/files/The_Open_University_Innovating_Pedagogy_2014_0.pdf).

*Медведок Т.В. – ст. преподаватель Белорусского государственного аграрного технического университета (Минск, Республика Беларусь)*

### **ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ИРОНИИ В ФИЛОСОФИИ**

Ирония на протяжении длительного времени вызывает повышенное внимание к себе со стороны разнообразных направлений гуманитарного знания. Иронию трактуют то предельно широко – как мировоззрение, то достаточно узко – как употребление слова с позитивным значением для обозначения реально негативного явления с целью насмешки.

Ирония является довольно сложным объектом научных исследований, и до сих пор не сложилось единого мнения относительно ее природы, своеобразия, роли в обществе, возможности обнаружения универсальных законов ее функционирования.

По мнению многих исследователей, возникновение иронии – это закономерный итог появившегося напряжения между индивидом и обществом, обособление и отделение человека, которое не могло осуществиться мгновенно. Ирония по своему содержанию отрицает устаревшее и иллюзорное, вскрывает ограниченность «охранительных идей», преодолевает конформизм мышления.

Сегодняшний устойчивый интерес к проблеме иронии свидетельствует о том, что имеется надобность в исследовании конструкции и организации иронии в области философского познания, с обязательным учетом неоднородности и динамики философских учений и идей. Сократ и Аристотель, Ф. Шлегель и С. Киркегор, К. Маркс и Р. Рорти, а также многие другие мыслители не смогли пройти бесстрастно мимо иронического способа существования и иронического способа мышления, каждый раз обнаруживая все новые и новые философские возможности иронии.

Первое упоминание об иронии в контексте философского знания принадлежит Платону, который дал характеристику иронии как способу ведения диалога Сократом. Платон положительно оценивал иронию, соотнося ее с отысканием истинного знания, и не обращался к распространенным тогда представлениям о ней как о намеренной лжи.

Собственным благожелательно-лукавым самоуничижением Сократ вынуждал собеседника войти в логический лабиринт, из которого необходимо было самостоятельно отыскать выход. Однако своими наводящими вопросами обнаружить выход помогал сам Сократ. Его вопросы, загонявшие в тупик «умудренных знаниями» собеседников, подталкивали к движению от мнимого всезнания к обнаружению границ собственного незнания ради последующего отыскания истины.

После Платона понятие иронии в античной философии утрачивает ведущую роль в процессе познания, – так, к примеру, у Аристотеля ирония выступает в качестве фигуры риторики.

«Позднее ирония рассматривалась только как отрицательное явление, проявление враждебности и после смерти Сократа не пересекалась с философией вплоть до XVIII столетия. Ее рассматривали как риторический прием, троп, образованный ложью, используемый для осмеяния» [1;127].

В творчестве представителей немецкого романтизма ирония становится универсальным принципом мышления и творчества. Теория романтической иронии наиболее глубоко была разработана Ф. Шлегелем и К. Зольгером. Но если для Зольгера ирония была прежде всего эстетическим феноменом, то для Шлегеля она является одним из фундаментальных понятий философии.

Посредством иронии романтики обнаруживают парадоксально-противоречивую сущность универсума и человека, расположенного внутри него. Постоянное чередование серьезного и несерьезного, бесконечное пародирование, снятие всего действительного, ставшего и одностороннего, – на эти особенности иронии указывают романтики. Как писал Ф. Шлегель, «...ирония – это единственное и вместе с тем вполне обдуманное притворство... В ней все должно быть шуткой и все должно быть всерьез, все чистосердечно откровенно и все глубоко сокрыто» [2;287].

Характерное для романтической иронии критическое отношение к действительности обнаруживает, что данная действительность постигается в своей изначальности как нечто дефектное, не обладающее статусом подлинности. Ирония у романтиков возникает как знак дистанции между

несовершенством и неполнотой объективированного смысла. Данная ирония отрицает законченность и окончательность в художественном образе, но она отрицает их и в реальном течении жизни, как если бы жизнь поддавалась совершенствованию по примеру создаваемого искусством, переписыванию и перерисовыванию. Романтик, не придавая ничему вне себя серьезного значения, охвачен чувством, что все возможно. Именно ирония должна была содействовать синтезированию различных духовных форм, поскольку она разрушает самодовольную серьезную пресыщенность. В отличие от логической иронии Сократа ирония романтиков алогична и вводит в иллюзию. Сама проблема истины исчезает из их поля зрения – романтики ее определяют через игру.

Ирония С. Киркегора хотя и является продолжением и развитием романтической, но исходит из обращения к Сократу. Уникальность человека, согласно С. Киркегору, состоит в его неуловимости, постоянных переходах, осуществить которые он не мог бы без иронии. Ирония трансформируется у него в мировоззренческий путеводитель, который способен вывести к Богу, а также ориентирует человека не только в окружающей действительности, но и в его внутреннем мире.

В XVII-XIX вв. начался кризис механистического детерминизма в мировоззрении мыслителей того времени. Строго обусловленные причинно-следственные зависимости, свойственные природе, оказались малоприспособленными, когда с их помощью пытались объяснить явления общественной жизни и поведение людей в процессе исторического развития. В анализе критических ситуаций исторических событий исключительное значение приобретает понятие «иронии истории», дающее возможность свести воедино осмысление того, что есть, что будет и что должно быть. Термин «ирония истории» получил широкое распространение в сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса и оказался достаточно востребованным для характеристики отношений и взаимодействия микро- и макропроцессов истории.

Исследователь С. Ф. Денисов замечает, что «...должна появиться и такая ирония, объектом которой будет все человеческое бытие: ирония, для которой уже не будет запретных областей; ирония, проникающая везде и всюду. Такой новой эволюционной формой иронии стала ирония постромантическая или постмодернистская» [3;99].

Особый статус ирония обретает в культурно-философском пространстве постмодерна, фундированного идеей вторичности происходящего в культуре. Так, ирония начинается с требования «положить начало генеральной инвентаризации духовного имущества» и выливается у М. Фуко, Р. Барта, Р. Рорти, Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ж.-Ф. Лиотара и других мыслителей в критику языка как критику основоположений культуры и цивилизации, начатую Ф. Ницше и Л. Витгенштейном.

Постмодерн отрицает истину, но не истину как таковую, а как нечто целостное, абсолютное и неизменное. Истина обнаруживает себя как продукт субъективных исканий человека, не обладающий какой-либо реальной объективностью. Ироническое отношение отныне оказывается направленным всецело против пугающей серьезности здравого смысла, но не в традиционном сократовском значении.

Если сопоставить иронический метод Сократа и постмодернистскую иронию, то метаморфозы, которые пришлось претерпеть последней, будут довольно очевидны. Так, Сократ при обсуждении различных вопросов государственной и частной жизни виртуозно превращал процесс добывания истины ещё и в дополнительное раскрытие внутреннего мира человека, в результате чего диалог оказывался серьезным духовным испытанием, предполагающим реализацию не только интеллектуальных, но и нравственных сил. Если древнегреческий мыслитель иронизировал над мнением обывателя, утверждая при этом идеальные и вечные конструкции, то иронист эпохи постмодерна – своеобразный номиналист, главной задачей которого является столкновение различных словарей (одинаково приемлемых для него) для переописания их и самого себя.

Так, например, у Р.Рорти иронист – это автономный творческий индивид, созидаящий себя благодаря случайности, а не обнаруживающий некие готовые истины. Иронист вынужден подвергать непрестанному радикальному сомнению «конечный словарь» личности, для него ничто не обладает внутренней свободой, реальным содержанием. Механизмом осуществления иронии выступает игра, позволяющая избежать абсолютизации одной из версий возможного опыта, задавая тем самым область реального пространства свободы.

«Р. Рорти предпочитает вести речь о современном уровне философствования как уровне воображения, истории и случая, а не отыскания одной и единственной метафизической истины, имеющей вневременной характер» [4;104]. Таким образом, в постмодернизме идея истины оказывается избыточной, излишней, и в этом случае индивид оказывается один на один с «организованной» им множественностью суждений.

В таком случае целью иронии философии постмодернизма оказывается построение, конструирование воображаемых миров разного порядка и уровня, причем акцент делается на

ироническом движении, переходах от одного смыслу к другому, противоположному первому. Данная направленность постмодернизма имела своим следствием, в частности, то, что в эпоху постмодерна целью научного познания стало не раскрытие истины, а постановка ее под сомнение, например, посредством иронии.

Следовательно, можно обнаружить, что развитие иронии в пространстве философии осуществлялось по пути расширения круга объектов, вовлекаемых в сферу ее анализа. Так, первым в поле зрения иронизирующих философов оказывается включен сам человек, его качества, смыслы, которыми он наделяет окружающий мир. Философское содержание иронии зарождается в диалогах Сократа, который ознаменовал софистический поворот от натурфилософии к человеку как центральной проблеме древнегреческой философии. Затем ироническая оценка насыщает представления индивида об окружающем мире во множестве его взаимосвязей, и романтическая ирония становится инструментом отрицания всех авторитетов и традиций, своеобразной рефлексивной дистанцией, которая дает возможность погрузиться в историю или искусство, но не позволяет совершить окончательный выбор. По мере развития и усложнения социальных отношений и структур иронические интонации активно проникают в философские учения об обществе. На сегодняшний момент конечным пунктом развития иронии оказывается постмодернистская парадигма, в которой ирония направлена на культуру в целом, а иронизирование трансформировалось в обязательный атрибут философствования.

Список использованных источников:

1. Зинченко, Н.С. Ирония как многоаспектный феномен: методологические основы анализа художественного дискурса / Н.С. Зинченко //Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3(57): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 126-130.
2. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2 т. Т. 1 / Ф. Шлегель. – М.: Искусство, 1983. – 479 с.
3. Денисов, С.Ф. Философско-антропологическая специфика иронии /С.Ф. Денисов, Л.В. Денисова, Л.М. Дмитриева //Омский научный вестник. – 2013.– №2. – С.97-100.
4. Черданцева, И.В. Особенности постмодернизма как антиметафизической формы философствования и возможности иронии /И. В. Черданцева //Известия Алтайского государственного университета. – №4. – Барнаул, 2005. – С. 100 – 106.

*Морозова О.С. – к.полит.н., доцент Рязанского государственного университета  
им. С.А. Есенина (Рязань, Россия)*

#### **ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ ПОДХОД В РЕГИОНАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ.**

Главная задача развития страны в современных условиях состоит в повышении темпов и эффективности развития экономики на базе ускорения научно-технического прогресса, технического перевооружения и реконструкции производства, интенсивного использования созданного производственного потенциала, совершенствования системы управления, хозяйственного механизма и в достижении на этой основе дальнейшего подъема благосостояния российского народа.

На период до 2030 г. Президентом РФ ставится задача обеспечить динамичное и пропорциональное развитие единого народнохозяйственного комплекса страны и эффективное взаимодействие всех его звеньев. Важная роль в совершенствовании единого народнохозяйственного комплекса страны отводится техническому перевооружению и повышению эффективности работы всех отраслей производственной инфраструктуры.

Из общих стратегических проблем целесообразно, по-видимому, отметить планирование и управление. Решение региональных проблем имеет, естественно, ряд специфических особенностей.

В настоящее время в научной управленческой литературе отражен в основном прикладной аспект регионализации [1;3130]. Территориальное разделение труда, промышленное освоение природных ресурсов «обгоняет» исследования региональных проблем [2;372].

В системе государственного и муниципального управления каждое звено совместно с другими звеньями выполняет свою специфическую задачу в области эффективного удовлетворения общественных потребностей.

Важнейшим условием дальнейшей исследовательской работы в области проблем регионального управления является реализация комплексного, системного подхода к их разработке. Только при соблюдении этого условия могут быть усовершенствованы методы, приемы и средства обеспечения эффективного функционирования, четкой координации и взаимодействия различных видов государственного и муниципального управления во всех областях общественной и хозяйственной деятельности.